Елена Коренева

Актрису Елену Кореневу безусловной любимицей публики назвать трудно. Размежевание зрителей на тех, кто не смог принять ее редкий, оригинальный талант, и безусловных, верных поклонников произошло уже в 1974-м году — именно тогда вышел на экраны фильм „Романс о влюбленных", роль Тани в котором стала ее кинематографическим дебютом. Одних привлекло, а других оттолкнуло сочетание детскости, хрупкости внешнего облика с умным, выразительным взглядом — точно так же, как притягивало и пугало сочетание предельной открытости в проявлении чувств с несомненной склонностью к рефлексии. Актриса легко преодолевала расстояние от безмятежного счастья к предельному отчаянию.

После „Романса о влюбленных" за Кореневой закрепилось своеобразное амплуа: „девочка-женщина", и ей не раз пришлось доказывать в более поздних работах, что в ее исполнительской палитре, кроме ярких, резких красок для выражения полярных состояний, есть и пастельные тона и что она может интересно и виртуозно работать в самых разных жанрах.

Но, наверное, лучше, чем кто бы то ни было, об особенностях уникального актерского дарования Елены Кореневой могут рассказать режиссеры, у которых ей довелось сниматься:

Андрей Михалков-Кончаловский: „Всегда — предельная внутренняя органика... способность жить в приподнятом, восторженном, не реальном для нормальных людей ритме".

Валерий Рубинчик: „Особенность Кореневой — отсутствие неких актерских приспособлений, с годами становящихся штампами. Для нее характерно абсолютное слияние с тем, что она играет".

Валерий Рубинчик десять лет мечтал о работе с актрисой: она должна была исполнить главную женскую роль в фильме „Дикая охота короля Стаха", но тогда Коренева, занятая в театре и на телевидении, была вынуждена отказаться от съемок. И вот — Лисистрата в экранизации комедии Аристофана, первом в истории советского кино обращении к античной драматургии.

Коренева, необходимая в фильмах-экспериментах, ломающих унылые жанровые и тематические границы нашего „безусловного" кинематографа, — в „Романсе о влюбленных", в „Ярославне, королеве Франции" Игоря Масленникова и в фильме „Тот самый Мюнхгаузен" Марка Захарова, — как нельзя кстати оказалась и в чистом и строгом мире тургеневской прозы — в „Асе" Иосифа Хейфица. А еще — „Сибириада", „Сентиментальный роман", „Покровские ворота", телевизионная версия „Цезаря и Клеопатры" Бернарда Шоу...

Театралы до сих пор помнят ее в спектаклях Анатолия Эфроса „Веранда в лесу", „Месяц в деревне" и Валерия Фокина „И пойду... И пойду...".

А потом... Потом актриса вышла замуж за американского профессора-слависта и уехала с ним. В США она изучала философию, учила языки, работала в датской кофейной и русском ресторане, снималась в эпизодах в фильмах Андрея Кончаловского „Возлюбленные Марии" и „Гомер и Эдди", сыграла — и с успехом — на театральной сцене Соню в чеховском „Дяде Ване".

Нашему кино и нашей сцене все эти годы Кореневой очень не хватало. И она вернулась. Выходят на экраны новые фильмы с ее участием: „Комедия о Лисистрате", „Короткий день перед праздником" — режиссерский дебют Сергея Юрского, иронический детектив „Ловушка для одинокого мужчины" ее отца Алексея Коренева.

Елена Мисаланди

Александр Романцов

Сначала был праздничный фейерверк. Снопы разноцветных огненных шариков взлетали в небо Москвы и Ленинграда и, соединившись где-то на немыслимой высоте, разряжались в телефонной трубке. Жизнерадостный голос ленинградского кинорежиссера Валерия Огородникова торопливо рассказывал мне все, что я не знала об Александре Романцове. Знала же я мало. В моем блокноте значилось: „Окончил ЛГИТМиК в 1970 г. Актер Ленинградского БДТ. Первая крупная роль в кино — князь Юсупов в „Агонии" Э. Климова /1975 г./. Около десяти второплановых и эпизодических ролей. Запоздалым, но блестящим открытием его актерского дарования для широкого зрителя стал фильм режиссера В. Огородникова „Бумажные глаза Пришвина" /1989 г./. В том же году снялся в телефильме режиссера В. Титова „Васька" в роли инженера Бибикова".

И вот, благодаря разговорчивому Огородникову, я узнала о Романцове такие подробности, что голова идет кругом.

Во-первых, именно в тот день, когда мы говорили о Романцове — 23 февраля, — у него был день рождения. В доказательство за окном гремел салют. Во-вторых, актеров такого уровня, как Романцов, у нас по пальцам пересчитать можно. Здесь я немного засомневалась, но режиссер заверил меня, что при знании французского языка, как минимум, и при стечении благоприятных обстоятельств, как максимум, играть Романцову на сцене „Комеди Франсез". В-третьих, открылся мне Валерий, для него Романцов — уникальный материал для исследования человеческих возможностей. Так, дав актеру в „Бумажных глазах..." роль телережиссера Пришвина, превращающегося волею и силою возбужденного сознания то в сталинского палача Шельменко, то в одну из его жертв, Огородников наблюдал не только Человека во Времени, но и Время в Человеке.

Но на этом эксперименты Огородникова над Романцовым не окончены. Тайная мечта режиссера — снять Романцова в женской роли в новом фильме-хэппенинге по сценарию Венедикта Ерофеева. „Короче, — подвел итог Огородников, — Романцов — не „звезда", но ею будет".

Интересно, что думает по этому поводу сама будущая „звезда". Я тут же снова позвонила в Ленинград и представила себе, как „по-звездному" немного усталый, немного расслабленный мой герой сидит в кресле и терпеливо отвечает на мои вопросы. Действительно, после „Агонии" крупных ролей не было, но ведь и фильм пролежал на полке десять лет. После Пришвина получает много интересных предложений, но приходится отказываться, так как сейчас снимается на „Мосфильме" в большой и сложной роли Николая Бухарина в картине Леонида Марягина „Враг народа". И есть еще работа в театре. Нет, итальянского фильма о Бухарине „Дорогой Горбачев" не видел. Честно говоря, старается не смотреть сегодняшние фильмы о том времени. Не помнят же молодые американцы, на чьей стороне сражались их предки во второй мировой войне. Так и должно быть в цивилизованном обществе. Надеется, что и мы сможем когда-нибудь забыть прошлое, которое нам мешает. О театре говорит неохотно. Считает, что время зрелищных искусств прошло, а значит, прошло и его время. Вся жизнь идет как-то сбоку, грустно заключает он, и вдруг начинает смеяться, подшучивать над своим пессимизмом, над своим „невыносимым" характером „тирана"...

Потом он вежливо прощается со мной. Ставит на место телефон и возвращается к друзьям, к прерванному празднику, в первую же минуту, как и положено „звезде", забыв о моем звонке и обо мне...

А может, все было не так?..

Венера Кыдыралиева

На наших обложках